

Василий Иванович Немирович-Данченко

Собака

Что это была за Рождественская ночь! Пройдут еще десятки лет, тысячи лиц, встреч и впечатлений мелькнут мимо, следа не оставят, а она все будет предо мною в лунном блеске, в причудливой рамке Балканских вершин, где, казалось, все мы были так близки к Богу и его кротким звездам...

Как теперь помню: лежали мы пластом - усталь так морила, что не хотелось даже близко к костру подвинуться.

Фельдфебель последним прилег. Ему пришлось указать места всей роте, проверить солдат, принять приказание от командира. Это был уже старый солдат, оставшийся на второй срок. Война подошла - стыдно ему показалось уходить от нее. Он принадлежал к тем, у кого под холодною внешностью бьется горячее сердце. Брови нависли сурово. И глаз не разберешь, а рассмотри их - прямо к нему со своим горем самый ледящий солдатишко доверчиво пойдет. Добрые, добрые они - и светились, и ласкали.

Лег он, потянулся... "Ну, слава Богу, теперь для-ради Рождества Христова и отдохнуть можно!" К огню повернулся, трубку вынул, закурил. "Теперь до рассвета - покой..."

И вдруг мы вздрогнули оба. Близко-близко залаяла собака. Отчаянно, точно на помощь звала. Нам было не до нее. Мы старались не слышать. Но как это было сделать, когда лай становился все ближе и оглушительнее. Собака, очевидно, бежала по всей линии костров, не останавливаясь нигде.

Нас уже пригревало костром, у меня глаза слипались, и ни с того ни с сего я даже дома очутился за большим чайным столом, должно быть, засыпать начал, как вдруг лай послышался у меня над самыми ушами.

Ко мне подбежала - и вдруг прочь кинулась. И даже заворчала. Я так и понял, что не оправдал ее доверия... К фельдфебелю сунулась, к самой голове его; тот поманил ее. Она ему в мозолистую руку холодным носом ткнулась и неожиданно завизжала и заскулила, точно зажаловалась... "Неспроста это! - вырвалось у солдата. - Пес умный... У него дело ко мне есть!.." Точно обрадовавшись, что ее поняли, собака выпустила шинель и радостно-радостно залаяла, а там опять за полу: пойдём-де, пойдём скорее!

- Неужели вы пойдёте? - спросил я у фельдфебеля.

- Значит, надо! Пес всегда знает, что ему нужно... Эй, Барсуков, пойдём на случай чего.

Собака уже бежала впереди и только изредка оглядывалась.

... Должно быть, я долго спал, потому что в последние мгновения сознания в моей памяти как-то осталось - луна надо мною на высоте; а когда от внезапного

шума я поднялся, она уже была позади, и торжественная глубина неба вся искрилась звездами. "Клади, клади осторожнее! - слышалось приказание фельдфебеля. - Ближе к огню..."

Я подошел. На земле у костра лежал не то сверток, не то узел, напоминавший формой детское тело. Стали его распутывать, а фельдфебель рассказывал о том, что собака привела их на засыпанный склон горы. Там лежала замерзшая женщина. Она бережно держала у самой груди какое-то сокровище, с чем бедной "беженке", как их тогда называли, всего тяжелее было расстаться или что она хотела во что бы то ни стало, хотя бы ценою собственной жизни, сохранить и отнять у смерти... Все с себя сняла несчастная, чтобы для другого существа сберечь последнюю искру жизни, последнее тепло.

"Ребеночек? - толпились солдаты. - Ребеночек и есть!.. Вот послал на Рождество Господь... Это, братцы, к счастью".

Я дотронулся до его щек - мягкие оказались, теплые... Глаза его блаженно закрылись из-под овчины назо всей этой обстановке - боевым кострам, морозной балканской ночи, ружьям, составленным в козлы и тускло блиставшим штыками дальнему, десятками ущелий повторенному выстрелу. Перед нами покойное-покойное было детское личико, одною своею безмятежностью обесмысливавшее всю эту войну, все это истребление...

Барсуков разжевал было сухарь с сахаром, оказавшимся в чьем-то запасливом солдатском кармане, но старый фельдфебель остановил его:

- Внизу сестры милосердия. У них для ребеночка и молочка найдется. Дозвольте отлучиться, ваше высокоблагородие.

Капитан дозволил и письмо даже написал, что рота берет находку на свое попечение.

Собаке очень понравилось у огня, она даже лапы вытянула и брюхом к небу обернулась. Но как только фельдфебель тронулся с места, она без сожаления бросила костер и, ткнувши мордой в руку Барсукова, со всех ног кинулась за ним. Старый солдат нес дитя под шинелью бережно. Я знал, какой страшный путь прошли мы, и с невольным ужасом думал о том, что его ожидало: почти отвесные спуски, скользкие, обледеневшие скаты, тропки, едва державшиеся на ребрах утеса... К утру он будет внизу, а там - сдал ребенка и опять вверх, где рота уже построится и начнет свое утомительное движение в долину. Я заикнулся об этом Барсукову, но тот ответил: "А Бог-то?" "Что?" - не понял я сразу.

- А Бог-то, говорю?.. Нешто Он попустит?..

И Бог действительно помог старику... На другой день он рассказывал: "Точно крылья несли меня. Там, где одному было жуть днем, а тут в туман спустился, ничего не вижу, а ноги сами идут и дите ни разу не крикнуло!.. И сестры как обрадовались: "Скажи капитану, что мы его выходим и собаку приутим!"

Но собака поступила совсем не так, как ожидали сестры. Она осталась и в первые дни пристально следила, не спуская глаз с ребенка и с них, как будто

хотела убедиться, хорошо ли будет ему и заслуживают ли они ее песьего доверия. А убедившись, что и без нее ребенку будет хорошо, собака покинула госпиталь и на одном из перевалов появилась перед нами. Поприветствовав сначала капитана, потом фельдфебеля и Барсукова, она поместилась на правом фланге около фельдфебеля, и с тех пор это было ее неизменным местом.

Солдаты ее полюбили и прозвали "ротной Арапкой", хотя с арапкою у нее не было никакого сходства. Она была покрыта светло-рыжею шерстью, а голова казалась совсем белой. Тем не менее, решив, что на мелочи обращать внимания не стоит, она стала и на имя "Арапки" отзываться весьма охотно. Арапка так Арапка. Не все ли равно - лишь бы с хорошими людьми дело иметь.

Благодаря этому чудесному псу было спасено много жизней. Она рыскала по всему полю после боев и громким отрывистым лаем обозначала тех, кому еще могла принести пользу наша помощь. Она не останавливалась над мертвыми. Верный собачий инстинкт указывал ей, что вот тут под напухшими комьями грязи еще бьется сердце. Она живо дорывалась до раненого своими кривыми лапами и, подав голос, бежала к другим.

- "Тебе бы, по-настоящему, медаль следовало дать", - ласкали ее солдаты. Но животным, даже самым благородным, дают, к сожалению, медали за породу, а не за подвиги милосердия. Мы ограничились только тем, что заказали ей ошейник с надписью: "За Шипку и Хаскиой - верному товарищу"...

Много лет прошло с тех пор. Ехал я как-то по задонскому приволью. Русский простор охватывал меня отовсюду своими ласковыми зелеными, могучим дыханием неоглядных далей, неуловимую нежностью, что живописным источником пробивается сквозь его видимое уныние. Сумей подслушать его, найти, напейся его воскрешающей воды, и жива душа будет, и потемки рассеются, и сомнению места не останется, и сердце, как цветок, откроется теплу и свету... И зло пройдет, и добро останется во веки веков.

Вечерело... Мой ямщик добрался, наконец, до села и остановился на постоялом дворе. Мне не сиделось в душной, полной назойливых мух комнате, и я вышел на улицу. Вдали - крыльцо. На нем пес растянулся - дряхлый-дряхлый..., куцый. Подошел. Господи! Старый товарищ - на ошейнике прочитал: "За Шипку и Хаскиой..." Арапка, милая! Но она не узнала меня. Я - в избу, дед сидит на лавке, мелюзга кругом шебаршит. "Батюшка, Сергей Ефимович, вы ли это?" - крикнул я. Вскинулся старый фельдфебель - разом узнал. О чем мы говорили, кому до того дело? Наше нам дорого, и на весь свет кричать об этом даже стыдно поди... Арапку мы позвали - едва доползла и у ног хозяина улеглась. "Помирать нам с тобой пора, ротный товарищ, - гладил ее старик, - довольно пожилы на покое". Собака подымала на него угасавшие глаза и повизгивала: "Пора-де, ох, давно пора".

- Ну а что с ребенком случилось, известно?

- Приезжала! - И дедушка радостно улыбнулся. - Отыскала меня, старика...

- Здесь?

- Да! Барыня совсем. И все у нее по-хорошему. Меня приласкала - подарков навезла. Арапку в самую морду поцеловала. Просила ее у меня. "У нас, - говорит, - холить ее станут..." Ну да нам-то не расстаться с ней. И она от тоски подохнет.

- А Арапка ее узнала?

- Ну, где... Комочек ведь была она тогда... девчонка-то... Эх, брат Арапка, пора нам с тобою на вечное успокоение. Пожили, будет... А?

Арапка вздохнула.